

(прим.пер. Китайский термин для времени, использованный здесь, вместо обычного 时间 выбран 光阴, что дословно переводится, как 'свет и тень'. Его также можно осмыслить, как течение времени, день и ночь).

В Великом Зале Света архиепископы думали о резне в темноте - чтобы решить конфликт, вызванный молодыми людьми Ортодоксальной Академии, дать всем сторонам допустимое решение, если Поп более не защищал Чэнь Чаншэна, то определенно было возможно убить Чжоу Туна.

Но Чжоу Тун не был обычным индивидом. Как раз тогда, когда все считали, что ситуация во дворе парящих лепестков яблонь достигла тупика, он все еще не желал принимать решение, которое за него приняли другие. Он дал миру результат, которого никто не ждал.

Поп отвел взгляд от неба и повернулся к Линхай Чживану, посмотрев на него с едва уловимой улыбкой.

Голос Линхай Чживана внезапно оборвался, как и темные воды океана, в миг раскалывающиеся на бесчисленные пузырьки белой пены.

«Что же он планирует делать?»

.....

«Много лет назад моя старшая сестра была... изнасилована и убита сыном семьи принца. Да, это не был наследник и не был особенно балованный сын. Он был просто обычным сыном наложницы. Я даже готов поспорить, что принц не знал, что у него был такой сын, потому что этот сын был подобен свинье, породив более сорока сыновей и кучу дочерей. В любом случае, короче говоря... у них всех была фамилия 'Чэнь'».

Чжоу Тун смотрел на Чэнь Чаншэна, его глаза были невероятно холодными, но с оттенком жестоких воспоминаний глубоко внутри: «Имперский Двор вовсе не был озабочен таким маленьким делом, и как могло правительство столицы и военный департамент посметь войти в поместье принца, чтобы схватить кого-то? Как результат, это дело было постепенно забыто другими. В конце концов, остался лишь я, чтобы помнить, как тяжело в тот день падал дождь, как много раз зверь укусил и оставил раны на теле моей сестры... да, это было очень трудно забыть. Если бы ты был мной, чтобы ты сделал?»

Лепестки яблони, которые упали на землю, казались мантией снежинок на земле маленького двора, но в этих снежинках был оттенок крови.

Чэнь Чаншэн и другие не знали, почему он упоминал эту вещь прошлого, и тем более не знали, как ответить.

«Конечно же, ты должен убить их», - спокойно ответил Чжоу Тун. «Чтобы убить этого сына принца - да, тогда я не думал об убийстве того принца вместе с ним - я приготовился ждать в течение очень долгого времени, я был готов обменять свою жизнь на краткий миг радости. Однако, как раз в тот миг, когда я собрался ворваться в поместье принца, одна особа не дала мне этого сделать. Это была Императрица».

Он обратил свой взгляд к Имперскому Дворцу, его глаза были наполнены странными и сложными эмоциями. После казалось бы бесконечного периода тишины он продолжил

бормотать: «Императрица сказала мне, что метка незрелого мужчины состоит в том, что он желает уйти в пыланье славы по какой-то причине, тогда как метка зрелого мужчины состоит в том, что он желает терпеливо держаться по какой-то причине!»

Чжоу Тун вернул свой взгляд и повернулся к Чэнь Чаншэну. Он спокойно и серьезно спросил: «Ты понимаешь?»

Чэнь Чаншэн очень серьезно задумался над этим, а затем покачал головой и ответил: «Я понимаю, но не могу сделать этого».

Чжоу Тун начал смеяться: «А кто может? Я вовсе не был согласен с доводами Императрицы, так что вынул свой клинок и поспешил в поместье того принца. К счастью, Императрица, используя лишь кончик пальца, смогла лишить меня сознания».

Танг Тридцать Шесть спросил: «И тогда?»

Чжоу Тун ответил: «И тогда я наконец-то понял, так что я начал терпеть, терпеть в течение очень долгого времени».

Танг Тридцать Шесть подумал о том кровавом деле в столице, которое сотрясло целый континент. У него были некоторые подозрения, но он не смел подтверждать их. Он спросил: «И в конечном счете?»

«В конечном счете, было лишь естественно, что я убил того человека, а что касается того принца, он, естественно... умер от тысячи порезов. Конечно же, я убил всех из семьи того принца. Эти сорок с чем-то сыновей и куча дочерей... хотя они рождались так быстро, как свиньи, как я, возможно, мог убивать их так же быстро? Императрица действительно говорила верно. Живя скромной и даже жалкой жизнью еще несколько лет, я в конечном итоге смог преуспеть в моей цели».

Чжоу Тун начал хохотать, как ребенок. Он выглядел радостным и невинным, и поэтому казался невероятно жестоким.

Сюаньюань По широко разинул рот, не зная, что и сказать. Ему казалось, что маленький двор вдруг стал холодным.

Танг Тридцать Шесть убедился, что это действительно был тот инцидент, в котором вся семья Принца Цишань была казнена до третьего поколения, но ничего не сказал.

Чэнь Чаншэн вдруг заявил: «Я считаю, что вы в прошлом, собирающиеся ворваться в поместье принца с кинжалом, были лучше, чем вы в будущем».

Когда он говорил это, он очень искренне смотрел в глаза Чжоу Туна.

Чжоу Тун спросил: «Даже если я был незрелым, и даже немного глупым?»

Чэнь Чаншэн заявил: «Есть некоторые вещи, определенные времена, когда лучше быть незрелым»,

Чжоу Тун замолчал. Лишь спустя долгое время он вдруг начал смеяться.

Он развернулся и начал идти в заднюю часть двора. Он взмахнул двумя руками свой великой красной мантии служащего, поднимая красно-белые лепестки.

Сторона двора открылась со скрипом. Вышло несколько служащих Департамента для Очищения Чиновников, неся с собой носилки.

Чжэсю лежал на этих носилках, его лицо было бледным, а глаза - закрытыми.

Чтобы забрать Чжэсю и пленить его в Тюрьме Чжоу, удерживая его там на так много дней, Чжоу Тун закрыл глаза на Дворец Ли и Забирающую Звезды Академию, несмотря на то, как много давления они оказывали на него. Потому что пленение Чжэсю было волей Божественной Императрицы, и это увеличивало давление на Гору Ли.

Как он и сказал Чэнь Чаншэну, пленение Чжэсю в Тюрьме Чжоу говорило о том, что дело Сада Чжоу еще не достигло конца. Секта Меча Горы Ли, которая только что вытащила себя из внутренней борьбы, неизбежно заплатит какую-то цену за это дело. Для Великой Чжоу это определенно было хорошим делом.

Конечно же, у его нежелания выпускать Чжэсю была более глубокая причина, которую было невозможно объяснить другим. Так же, как и никто до этого момента не знал, что он уже был готов выпустить Чжэсю, только вот...

«Ваше Превосходительство, почему вы согласились освободить его?» - в самой глубокой и холодной комнате Департамента для Очищения Чиновников Священник Синь задал этот вопрос в замешательстве.

Кто бы мог представить, что Священник Синь, наиболее доверенный помощник Архиепископа Мэй Лиша за эти последние несколько месяцев, появится в этом месте? Более того, было совершенно ясно, что его отношения с Чжоу Туном были довольно необычными. Было тайной, что за человеком он был.

«Почему бы не отпустить его? Давления на Гору Ли уже должно быть достаточно. Я изначально хотел посмотреть, какой ответ будет у Дворца Ли, но, оказывается, что Его Святейшество, тот Святой, действительно вне моих навыков расчетов. Но, по крайней мере, я смог своими глазами увидеть, что он за человек».

Чжоу Тун закрыл глаза, вспоминая сцену того чистого юноши под яблонями.

Священник Синь подумал про себя: 'Определение Вашим Превосходительством зрелости и незрелости было невероятно логичным и на него было крайне трудно ответить. Я изначально думал, что ответ Чэнь Чаншэна коснулся души Вашего Превосходительства, что понудило вас согласиться освободить его...'

«Тронут?» - Чжоу Тун, как казалось, мог читать чужой разум. Он открыл глаза и бесстрастно сказал: «У этого служащего никогда не было старшей сестры, так что мог тот ответ затронуть? Чей ответ может тронуть меня?»

Священник Синь покачал головой, а затем сказал: «Прежде, чем Его Высокопреосвященство ушел в мир иной, он всегда читал эту книгу».

Когда он говорил, он достал писание и предложил его.

Чжоу Тун взял его и осознал, что это было известным писанием Ортодоксии, 'Свитком Времени'.

Пока он смотрел на это писание, он думал о том юноше под яблоней-китайкой. В течение

времени, которое казалось вечностью, он ничего не говорил.

Он сказал правду Священнику Синь.

Он не желал отпускать Чжэсю, потому что хотел в этом месте, позаимствовав те две яблони и убийственную атмосферу Тюрьмы Чжоу, осторожно, серьезно, от головы до пят, изнутри и снаружи, изучить Чэнь Чаншэна.

Для него это было делом наивысшей важности, более важным, чем Чжэсю, или холодное намерение тех двух архиепископов уничтожить его.

Потому что он хотел увидеть промежуток времени на теле Чэнь Чаншэна.

<http://tl.rulate.ru/book/1222/119246>